

нии было все: верность и предательство, популизм и реалии, пляски и инфаркты... После выборов была операция на сердце, известная по фильму С. Сорокиной. Между тем, на фоне экономических трудностей оппозиция не переставала критиковать курс Правительства, а в нем наметился раскол. Мемуаристка отрицает, что Президент легко «сдавал» своих и приводит пример с В.С. Черномырдиным, с семьей которого после его отставки сохранились дружеские отношения [1, с. 293–295]. Судя по всему, других примеров у нее нет.

Людам не только старшего поколения памятна отставка первого Президента – своей просьбой о прощении он растрогал россиян. На вопрос интервьюера об оценке этого факта жена ответила: «Правильно сделал. Жизнь была очень трудной. Он тоже был причастен к этому. Что-то недоделал, чьи-то надежды не оправдал... Но сделал все, что мог» [1, с. 308].

Выбор, как принято сейчас говорить, преемника был сделан Ельциным лично, что, судя по его характеру, кажется правдой [1, с. 304–306]. Надо отметить, что этот выбор был его последней победой на посту Президента.

Последние несколько десятков страниц мемуаров посвящены быту семьи экс-президента и (после его смерти) мемориальным заботам автора.

1990-е гг., вспоминаемые обычно в негативном плане, безусловно, были тяжелейшими для страны. Все стороны жизни общества оказались в системном кризисе, страна распалась, надо было строить новую государственность. Жена первого Президента России попыталась рассказать о недавнем прошлом честно – без приукрашивания и без нагнетания ужасов. Думается, это у нее получилось, хотя элементы субъективизма в ее повествовании присутствуют. Она деликатно обходит довольно распространенное мнение о взаимоотношениях Ельцина с «зеленым змием», почти не пишет о войне в Чечне – самом осуждаемом факте в период его президентства. Наверное, жена имеет на это право. В целом же читающий эти мемуары найдет в них и гордость за Россию, и боль за нее, и веру в ее будущее.

1. Ельцина, Н. [И]. Личная жизнь / Н. Ельцина. – М. : Синдбад, 2017. – 352 с.
2. Козлов, В. П. Второе археографическое обозрение истории России XX века / В. П. Козлов. – М. : Древлехраннище, 2016. – 288 с.
3. Коржаков, А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката / А. В. Коржаков. – М. : Интербук, 1997. – 480 с.
4. Костиков, В. В. Роман с Президентом / В. В. Костиков. – М. : Вагриус, 1997. – 349 с.
5. Минаев, Б. Д. Ельцин / Б. Д. Минаев. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 750 с.
6. Пихоя, Р. Г. Москва. Кремль, Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005 / Р. Г. Пихоя. – М. : Русь–Олимп ; Астрель ; АСТ, 2007. – 554, [6] с., 2007. – 560 с.
7. Попцов, О. М. Хроника времен «царя Бориса» / О. М. Попцов – М. : Совершенно секретно, 2000. – 544 с.
8. Соловьев, В. Борис Ельцин. Политические метаморфозы / В. Соловьев, Е. Клепикова. – М. : Вагриус, 1992. – 397 с.
9. Суханов, Л. Три года с Ельциным: записки первого помощника / Л. Суханов. – Рига : ВАГА, 1992. – 368 с.
10. Шевцова, Л. Ф. Режим Бориса Ельцина / Л. Ф. Шевцова. – М. : РОССПЭН, 1999 – 535 с.

Леонтьева О.Б.

КОГДА ИСТОРИК СОЗДАЕТ ИСТОЧНИК: СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ ИСТОРИКОВ КАК ИСТОЧНИКОВЫЙ КОМПЛЕКС И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Воспоминания, написанные историком, – явление до некоторой степени парадоксальное. С одной стороны, по-человечески понятно желание ученого, постоянно работающего с текстами мемуаров и других эго-документов, сохранить для потомков историю собственной жизни. С другой стороны, историк берется за написание воспоминаний, будучи вооружен навыками источниковедческого анализа и, следовательно, прекрасно осознавая всю неполноту и субъективную односторонность того исторического свидетельства, которое должно получиться в результате.

Тем не менее, эта парадоксальная задача представляется важной и значимой многим членам исторического цеха: свидетельство тому – выход в свет в 1990–2010-х гг. многочисленных мемуаров и автобиографической эссеистики российских историков разных поколений, а также публикация мемуаров, написанных «в стол» в предшествующие годы. Используя термин

А.Г. Тартаковского [16], можно сказать, что на переломе эпох в жизни научного сообщества историков произошел настоящий «мемуарный взрыв».

За истекший век это второй пример «мемуарного взрыва» в профессиональной среде историков. Первый подобный опыт коллективного самопознания научного сообщества – дневники и воспоминания историков, созданные в первой половине XX в. и охватывающие последние годы существования императорской России и революцию 1917 г. (мемуары П.Н. Милюкова, М.М. Богословского, С.Ф. Платонова, А.А. Кизеветтера, Н.И. Кареева, дневники Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского и других). На основе анализа этих эго-источников С.В. Павловская сделала принципиально важный вывод, что воспоминания историков можно рассматривать как единый мемуарный комплекс, характеризующийся уникальным сочетанием особенностей общеисторического и историографического источника: личные воспоминания и эмоциональные оценки происходящего сочетаются с «ярко выраженным профессиональным исследовательским подходом» к осмыслению современных мемуаристу событий; кроме того, мемуарный текст предоставляет возможность проследить, «как возникала, формировалась, созревала проблематика будущих трудов историков» [13, с. 10, 204–212].

Современный «мемуарный взрыв» пришелся на «эпоху порубежья» в жизни страны и в развитии исторической науки [19, с. 104]: уход от советской модели взаимоотношений «ученый и власть», радикальные изменения социального статуса и профессиональной культуры учено-гуманитария породили потребность осмысления перемен, «актуализировали для исторического сообщества проблему самопознания» [7, с. 250–251]. Методологические повороты, через которые мировая историческая наука прошла во второй половине XX века и которые были пережиты отечественной наукой в сжатые сроки – за 1990-2000-е гг., создали благоприятную научную среду для опытов самопознания. «Антропологический поворот» кардинально изменил отношение к источникам личного происхождения, в том числе нарративным: для современных историков представляет интерес именно «субъективность» таких источников, считавшаяся прежде их ключевым недостатком. В свою очередь, «мемориальный поворот» начала XXI в. – широкий общественный интерес к проблематике исторической памяти – выработал отношение к эго-источникам как к уникальным свидетельствам эпохи.

Мемуары российских историков рубежа XX–XXI вв. отличаются значительным жанровым разнообразием. Наряду с классическим типом мемуаров-автобиографий (где повествование о личной судьбе сочетается с рассказом о профессиональном становлении историка-мемуариста) [6; 8; 10] можно выделить воспоминания, написанные *in memoriam* и посвященные взаимоотношениям мемуаристов с их учителями и наставниками [15; 18], автобиографическую эссеистику – размышления о проблемах исторической науки, основанные на личном опыте [9; 17], опыты «эго-истории» – истории собственной научной жизни, написанные с применением профессионального эпистемологического инструментария [5], наконец, произведения синтетического характера, для определения жанровой природы которых приходится изобретать окказионализмы [11]. Однако при этом разнообразии мемуары современных историков обладают существенными сходными чертами, позволяющими – как и в случае с мемуаристикой историков начала XX в. – выделить их в особый мемуарный комплекс.

Мемуары-автобиографии российских историков, как и любые мемуары, представляют собой опыт личностного самопознания, творческого осмысления истории собственной жизни. К ним применимо наблюдение Лидии Гинзбург о документальной литературе: ей одновременно присуща и «установка на подлинность» (что и «делает документальную литературу *документальной*»), и «эстетическая организованность» – «отбор и творческое сочетание элементов, отраженных и преобразованных словом» (что и делает документальную литературу *литературой* как явлением искусства») [4, с. 7–8]. Мемуарист выстраивает сюжет своего повествования вокруг событий, которые считает ключевыми, поворотными в своей судьбе, отыскивая в них внутреннюю логику; отбирая, осмысливая явления прошлого, облачая их в слова, он создает образ того, «чему свидетель в жизни был», – и, что немаловажно, образ самого себя, каким он хотел бы предстать в глазах читателя.

В большинстве случаев по своим жанровым формам и проблематике мемуары российских историков близки не к «эго-истории» в современном понимании этого термина [12], а к класси-

ческой парадигме мемуаристики с акцентом на событийность; в них ярко воплощена тема, которую А.Г. Тартаковский и И.А. Паперно считают стержневой для русской мемуаристики – столкновение человека и истории, пересечение частной судьбы и «большой дороги» исторического процесса, зачастую с драматическими последствиями [16, с. 16–22; 14, с. 112–120]. Но при этом в качестве сверхзадачи мемуаров историка, придающей им целостность и как личностному документу, и как литературному тексту, выступает история профессионального становления мемуариста или же история выполнения профессионального долга в ситуации столкновения с «колесницей истории». Идентичность автора мемуаров строится вокруг его профессиональной идентичности; выполнение миссии историка может осознаваться мемуаристом как единственно достойный ответ на вызовы времени.

Показательно, кого именно историки-мемуаристы видят в качестве потенциальных читателей своих воспоминаний. Зачастую воспоминания историков содержат целые главы или разделы, представляющие собой своеобразные наставления в профессиональном мастерстве: это может быть «мастер-класс» работы с историческим источником [9, с. 195–216] или преподавания истории [2, с. 225–290], размышления об особенностях исторического познания [5, с. 178–187] или же «дневник исследователя» – история созревания научного замысла и его поэтапного воплощения [11]. Очевидно, что такие разделы адресованы коллегам по историческому цеху, причем младшим: воображаемый адресат мемуаров предстает не только как внимательный слушатель, но и как потенциальный ученик, готовый перенимать «ремесло историка».

С этим связана еще одна особенность мемуаров, созданных историками: ярко выраженный акцент на проблематике «историографического быта» – социокультурных аспектов бытия науки, сети научных коммуникаций и профессиональных взаимоотношений, поведенческих практик и форм самовыражения историков [1]. В воспоминаниях отчетливо звучит мысль о том, что без знания этого контекста невозможно адекватное понимание историографического процесса XX века [3, с. 23]. Так, ключевой темой воспоминаний, написанных *in memoriam*, является трансляция от учителя к ученикам практик поведения, стиля преподавания и научной работы: речь идет о передаче не просто правил научной этики или манеры поведения, но групповой идентичности, внутреннего чувства принадлежности к единому сообществу [15].

Сочетая признаки исторического источника, историографического источника и литературного текста, воспоминания историков несут ценную информацию о личной и групповой идентичности, коммуникативных практиках и корпоративном этосе научной среды, о трансформации профессиональных норм в условиях меняющихся «правил игры» на переломе эпох. Осознанной или неявно подразумеваемой целью мемуариста является не просто ознакомление читателя с этой информацией, но приобщение младших коллег по цеху к нормам профессиональной культуры. Мемуарный текст приобретает характер социокультурного медиатора – «проводника», «передатчика» навыков ремесла историка от поколения мемуариста к поколению его читателей.

1. Алеврас, Н. Н. Что такое «историографический быт»? Из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции / Н. Н. Алеврас // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Изд-во ЛКИ, 2011. – С. 516–534.
2. Биск, И. Я. Мой XX век: записки историка / И. Я. Биск. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. – 516 с.
3. Ганелин, Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1990-х годах / Р. Ш. Ганелин. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. – 216 с.
4. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – М. : INTRADA, 1999. – 414 с.
5. Гуревич, А. Я. История историка / А. Я. Гуревич. – М. : РОССПЭН, 2004. – 288 с.
6. Гутнова, Е. В. Пережитое / Е. В. Гутнова. – М. : РОССПЭН, 2001. – 462 с.
7. Зверева, Г. И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века / Г. И. Зверева // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – Вып. 1. – М. : ИВИ РАН, 1999. – С. 250–265.
8. Кабытов, П. С. Судьба-Эпоха: автобиография историка / П. С. Кабытов. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2008. – 352 с.
9. Кобрин, В. Б. Кому ты опасен, историк? / В. Б. Кобрин. – М. : Московский рабочий, 1992. – 225 с.
10. Литвин, А. Л. Жизнь как выживание: воспоминания и размышления о прошлом / А. Л. Литвин ; предисл. И. Х. Урилова. – М. : Собрание, 2013. – 280 с.

11. Нарский, И. В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (автобио-историко-графический роман) / И. В. Нарский. – Челябинск : ООО «Энциклопедия», 2008. – 516 с.
12. Нора, П. Вступление и Заключение к книге «Опыты эго-истории» / П. Нора // Дискурс: коммуникативные стратегии культуры и образования. – М., 2007. – № 14/15. – С. 56–68.
13. Павловская, С. В. Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков : дисс. ... канд. ист. наук / С. В. Павловская. – Новгород, 2006. – 293 с.
14. Паперно, И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель / И. Паперно // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 68. – С. 102–127.
15. Савчук, В. С. Анатолий Москаленко и другие. Личные воспоминания историка как источник по проблеме групповой идентичности / В. С. Савчук // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – М., 2011. – Вып. 37. – С. 224–254.
16. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века / А. Г. Тартаковский. – М. : Археографический центр, 1997. – 356 с.
17. Уваров, П. Ю. Между «ежами» и «лисами»: заметки об историках / П. Ю. Уваров. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 280 с.
18. Учителя учителей : очерки и воспоминания. – М. : РГГУ, 2009. – 242 с.
19. Хут, Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Л. Р. Хут. – М. : Прометей, 2010. – 704 с.

Дулов А.Н.

ВОСПОМИНАНИЯ ВИТЕБСКОГО ИСТОРИКА П.В. АЛЕКСЕЕНКОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Истоки исторического образования в Витебске восходят к началу XX в. – деятельности Витебского отделения Московского археологического института, открытого по инициативе ВУ-АК, и подготовке историков на базе созданного в 1918 г. ВГПИ. Но специалистов-историков здесь готовили с перерывами. Одним из тех, кому довелось возродить историческое образование в ВГПИ имени С.М. Кирова/ВГУ имени П.М. Машерова в конце XX в., был Петр Васильевич Алексеенков (1938–2013).

Петр Васильевич родился в д. Попейкино Духовщинского района Смоленской области. В детстве мальчику пришлось пережить ужасы германской оккупации, трудности послевоенных лет. После школы Петр Васильевич избрал педагогическую стезю: окончил Гжатское педагогическое училище, трудился в школах Смоленской области. После службы в Советской Армии (1957–1960) работал на предприятиях Риги. Но желание вернуться к преподаванию перебило. В 1962 г. Петр Васильевич поступил на заочное отделение историко-филологического факультета Латвийского университета. После успешного окончания университета в 1968 г. П.В. Алексеенков был приглашен на работу в Даугавпилсский педагогический институт, с которым связаны годы его профессионального становления. В 1972–1975 гг. историк учился в аспирантуре Латвийского университета, которую окончил досрочно, защитив кандидатскую диссертацию по теме «Социал-демократические организации Латгалии с 1898 по 1907 гг.» [2]. В Даугавпилском пединституте Петр Васильевич работал на кафедре всеобщей истории и истории СССР, преподавал историю новейшего времени, новую и новейшую историю Востока, а также студентам заочной формы обучения вторую часть новой истории, вел спецкурсы и спецсеминары. Преподавание историк успешно сочетал с научно-исследовательской деятельностью, продолжая разработку проблемы революционного движения в Латгалии на рубеже XIX–XX вв.

В 1979 г. Петр Васильевич переехал в Витебск, начал трудиться в ВГПИ имени С.М. Кирова на кафедре истории КПСС и политэкономии, вел занятия по истории КПСС на различных факультетах. С начала 1990-х гг., когда преподавание истории КПСС было заменено обязательным изучением на всех факультетах института истории Беларуси, Петр Васильевич успешно освоил не только саму дисциплину, но и белорусский язык, на котором осуществлял ее преподавание. В то время кафедра истории КПСС и политэкономии была преобразована в кафедру истории и культуры Беларуси, а в 1995 г. – в кафедру всеобщей истории и истории Беларуси, где продолжал работать Петр Васильевич.

В 1990 г. на филологическом факультете ВГПИ началась подготовка учителей русского языка и литературы с дополнительной специальностью «история». Оказались востребованы знания